

УДК 140

О. М. Ростовская

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА ПАМЯТИ: ОТ ПЛАТОНА ДО М. ХАЛЬБВАКСА

Во введении сформулирована основная проблема и цель работы, что предполагает акцентуацию базиса современных исследований в области «memory studies» и аналитический обзор концептуальных философских интерпретаций памяти в период от классической античности до западноевропейской философской мысли первой половины XX в. Хронологические рамки ограничены персоналиями ведущих теоретиков – Платона и М. Хальбвакса. Материал, представленный автором в основной части статьи, призван продемонстрировать тенденции в истолковании памяти. Во-первых, мнемический дискурс рассматриваемого периода охарактеризован многозначностью. Во-вторых, память исследована в качестве составляющей целостных образований: души, психики, сознания, тела. В-третьих, концепт памяти соотнесен с прошлым, настоящим и будущим, отражая диалектическую связь с концептом времени. Одни и те же авторы истолковывают память как индивидуальный и надиндивидуальный феномен, усматривают в ней связь сознания с бессознательным, частного с коллективным. История философского исследования памяти демонстрирует динамику от метафизических представлений к психологическим, феноменологическим и социально-историческим концепциям, от сугубо философской сферы познания к междисциплинарным поискам, от контента индивидуального психического бытия к содержанию социальных конструктов. В заключении отмечено, что вековые традиции мнемических исследований создали базис для развития тем, актуальных для Новейшей истории. Работы М. Хальбвакса стали предтечей этого широкого и многовекторного процесса, очерчивая границу между классической философией памяти и современными исследованиями в данной области. Новизна работы состоит в том, что автор предпринял попытку вскрыть «корневую систему» и методологическое основание современного междисциплинарного направления «memory studies», получившего развитие во второй половине XX в. и актуального до настоящего времени. Статья может быть использована в качестве материала, презентующего срез философского знания, объектом которого является феномен памяти, а также может выступать в роли методологического инструментария для современных частных мнемических исследований.

Ключевые слова: память, воспоминание, восприятие, душа, сознание, бессознательное.

Введение. Исследование проблематики памяти в настоящее время существует в качестве одного из ведущих векторов в развитии современных социально-гуманитарных наук. В числе наиболее известных проектов, реализованных в рамках междисциплинарного направления «memory studies» работы П. Нора [1; 2], Я. Ассмана [3], Ш. Врубеля [4], Л. П. Репиной [5; 6].

Мнемическая тематика, получившая широкий резонанс за рубежом, в Беларуси нашла отражение в контексте исследования феномена исторической памяти в сфере исторического и социологического знания: у А. Смоленчука [7; 8], О. А. Матусевич [9–11], А. Ластовского [12; 13]. В современных философских работах категория памяти отражает соответствующую тенденцию и представлена в контексте дискурса об интерпретации прошлого, об историческом и национальном самосознании, о самоопределении и познании социальной реальности (у Е. М. Бабосова [14], Э. И. Рудковского [15], А. С. Табачкова [16]).

Данная статья – следствие намерения автора акцентировать внимание на предыстории «memory studies», т.е. на тех фундаментальных идеях, которые заложили основание современных мнемических концепций и проектов, являются «корневой системой» разработок в области «истории памяти», «политики памяти», психологии, социологии и т.д. Систематизация философских истолкований памяти и выявление общих тенденций, определивших дальнейшие исследования в отношении познаваемого объекта, видятся в качестве необходимой, базисной части актуальных мнемических исследований. Наличие работ по истории философского познания памяти является той лакуной в интеллектуальном пространстве, которая должна быть заполнена. И это – основная проблема, определяющая цель данной статьи, которая состоит в осуществлении аналитического обзора интерпретаций феномена

Ростовская Ольга Михайловна, канд. филос. наук, доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин ВГТУ (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Московский, 72, 210035, г. Витебск, Беларусь; e-mail: rosolg@gmail.com

памяти в контексте западной философской мысли в период от классической античности до первой половины XX в.: от Платона до М. Хальбвакса. Соответствующий период ограничен концепцией М. Хальбвакса по той причине, что именно его разработка феномена памяти рассматривается в качестве рубежа, за рамками которого начинается этап современных «memory studies». Точнее, М. Хальбвакс явился предтечей нового периода, открывая широкие горизонты мнемических исследований второй половины XX – начала XXI в.

Основная часть. Исследование природы и механизма памяти берет начало в древнегреческой философии – в работах Платона, Аристотеля и Плотина.

В работах Платона (429–347 до н.э.) «Федон», «Федр», «Теэтет» и «Филеб» интерпретация памяти представлена в контексте рассуждений о душе, о благе, о тождественности и различии знания и ощущения. В диалоге «Филеб» акцентируется внимание на том, что для выявления природы удовольствий, находящихся в душе, нужно определить, что есть память, но прежде всего – что есть чувство. Это указывает на первичность чувства по отношению к памяти, т.е. на чувственную основу памяти, о чем свидетельствует определение памяти в качестве хранилища ощущения. Память и припоминание трактуются как две отличные друг от друга способности души. Припоминание, или воспоминание, есть, в сущности, способность души к восстановлению потерянной памяти об ощущении или знании, состояние, при котором душа «принимает» впечатления сама по себе, без тела, что может означать сознательное восстановление впечатлений без посредничества чувственного восприятия [17, с. 95–97].

В диалоге «Федон» припоминание, или воспоминание, определяется в качестве состояния души, обусловленного чувственным восприятием и «примысливанием» чего-либо, принадлежащего к иному знанию, что можно трактовать как воображение и мышление; познание забвенного и узнавание чего-либо или кого-либо, обусловленное возникновением в уме его образа. Припоминание касается забытого с течением времени или давно не виденного. Соответственно, то, что может быть припомнено, по происшествии времени должно быть вначале увидено (т.е. припоминанию предшествует чувственное восприятие) и забыто (так как только забытое может быть припомнено). И далее, припоминание есть познание как восстановление имевшегося ранее, но утраченного знания. Таким образом, рассуждения Платона позволяют выявить связи, структурирующие память:

- припоминанию (воспоминанию) предшествует забвение, которое интерпретируется в качестве утраты знания;
- забвению предшествует наличие знания в душе;
- наличие знания предшествует его приобретению и запоминанию;
- запоминание обусловлено ощущением и восприятием. Основопологающей является роль знания в контексте выше названных трансформаций, ведь для того, чтобы что-либо припомнить, необходимо знать это заранее [18, с. 26–30].

У Аристотеля (384–322 до н.э.) специфика памяти выявляется в феномене присутствия отсутствующего: все чувственно воспринимаемые единичные сущности наделены материей и подвержены уничтожению, однако в душе сохраняются мысли о них вне чувственного восприятия [19, с. 217].

В трактате «О душе» философ еще не дал определения памяти, но, анализируя отдельные психические процессы и выстраивая схему взаимодействия между ними, указывал на то, что память связана с движением восприятия (которое от вещей доходит до души) и движением воспоминания (которое «исходит от души к движениям или их остаткам в органах чувств»). Память является не состоянием ума, а состоянием самого существа, обладающего им, и потому относится не к уму, а к связи души и тела [20, с. 386].

В работе «О памяти и припоминании», которая представляет собой тематическое и методическое продолжение исследования, изложенного в трактате «О душе», Аристотель раскрыл природу памяти, интерпретируя ее как приобретенное свойство или состояние, опосредованное ощущением времени и предполагающее осознание себя в качестве помнящего. Помнить – значит «приходить в движение» благодаря самому себе и имеющимся движениям, поэтому память есть способность к движению, вызванному предметом и временем

одновременно. Тогда как ощущением постигается настоящее, а предвидением – будущее, объектом памяти, согласно Аристотелю, является прошлое, «прошедшее», и то, что можно вообразить, поскольку память принадлежит той части души, что и воображение. И память, и воспоминание Аристотель определял как «свойство представления, взятого в качестве изображения того, о чем представление», однако акцентировал между ними значимое различие. Память понимается как «нечто телесное». Припоминание не является ни возвращением памяти, ни ее приобретением, но возвращением прежнего знания или ощущения. Оно выступает в роли специфически человеческой, требующей наличия воли, способности к поиску созданного воображением образа в телесном субстрате и умозаключению об испытанных ранее ощущениях и восприятиях. Согласно Аристотелю, процесс вспоминания, опосредованный взаимосвязями с ощущением и восприятием, волей, воображением и мышлением, предполагает:

- осознание себя в качестве помнящего;
- осознание какого-либо чувственного восприятия как прошедшего;
- наличие ощущения времени и знания времени – точно измеренного или неопределенного;
- движение, вызванное одновременно и предметом, и временем.

Чтобы восстановить последовательность движения воспоминаний, нужно мысленно отталкиваться от настоящего или какого-то другого момента, от сходства, противоположности или близких с искомым воспоминаний, а также нужно отыскать начало, и, исходя из начала движения, воспоминания появляются быстрее и лучше [21, с. 161–165]. Это метод классической мнемотехники.

У *Плотина* память определяется в качестве способности или силы души, которая ничего не приняв в себя, воспринимает то, чем не обладает. В работе *«Об ощущениях и памяти»* мыслитель указывал на обусловленность памяти не только восприятием, но и временем, отмечая, что восприятие недавнего прошлого помнится лучше, надолго или навеки сохраняется, если душа воспринимает нечто в течение долгого времени, но когда способность восприятия направлена на многое и прошлое отдалается – вспоминать труднее. Воспоминание предполагает предварительное забвение, а также усилие для возобновления чего-либо – «усиление души», сравнимое с упражнением для тела. Именно в усилении силы-способности души философ видел причину памяти, отвергая ее обусловленность пребыванием в душе оттиска или отпечатка [22].

Крупнейший религиозный мыслитель раннего Средневековья *Аврелий Августин* (354–430) в одном из главных трактатов – автобиографическом сочинении *«Исповедь»* – изложил свою мнемическую концепцию, акцентируя внимание на фундаментальной связи памяти и времени. Память представлена и в контексте самопознания и познания Господа; и индивидуальной способностью; и надындивидуальным, сакральным феноменом; и самой душой и ее частью; и хранилищем названий и образов чувственно воспринятых ранее предметов, душевных состояний и продуктов мыслительной деятельности, самих мыслей и знаний. Отождествляемая с душой и умом, она трактуется как «желудок души», пищей для которого являются разные чувства (страсть, радость, страх и печаль), а вернее, их названия, соответствующие образам, «запечатленным телесными чувствами», а также знание, которое душа передала памяти или «сама память удержала его без всякой передачи» [23, с. 138]. Согласно А. Августину, в памяти хранятся образы и названия предметов, подвергнутых чувственному восприятию; там сложены мысли, «как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства»; там удерживаются, «живут» знания, которые не имеют образов и не являются образами. Память и ум трактуются как взаимосвязанные. Ум сравнивается с огромным вместилищем, полным великих образов, которые, однако, извлекаются из сокровищницы памяти. Именно в уме идет процесс собирания и то, что называется «обдумыванием». Мышление понимается как внутреннее созерцание, которое «собирает», «расставляет», т.е. систематизирует, все, что содержит память, помогая вспоминать необходимое легко, «при обычном усилии ума» [23, с. 133–138]. В целом из рассуждений А. Августина следует, что воспоминание является волевым сознательным действием, определяемым желанием вспоминающего; посредством вспоминания можно найти только то, что помнишь; то, что помнится, должно быть забыто прежде, чем станет воспоминанием; в поиске того, о чем забыто, человек помнит о забытии, поскольку в памяти

присутствует не сама забывчивость, а ее образ. Стоит отметить, что теория А. Августина прежде всего психологическая, раскрывающая механизм памяти и ее взаимосвязь с восприятием, мышлением и волей. Но специфическая особенность интерпретации данного автора в том, что он акцентирует внимание на категории времени и рассматривает память в динамике.

В европейскую эпоху Нового времени и впоследствии, в XX в., феномен памяти по-прежнему привлекал внимание интеллектуалов, о чем свидетельствуют соответствующие работы А. Бергсона, А. Бэна, Т. Гоббса, Э. Гуссерля, Г. В. Лейбница, Дж. Локка, М. Хальбвакса.

В работе Т. Гоббса (1588–1679) «*Человеческая природа*» дана интерпретация памяти как способности представлять вещь, воспринятую в прошлом [24, с. 518, 519], а также выявлена перцептивная природа памяти и ее образный характер. В сочинении «*Левиафан*» в части первой «О человеке» автор под памятью понимает ослабленное, поблекшее, устаревшее и отошедшее в прошлое ощущение, воспроизведение которого обусловлено желанием обозначить его и выразить факт произошедшей с ним трансформации [25, с. 13], что характеризует прежде всего образ воспоминания, природа которого чувственна. В целом идеи, изложенные в сочинениях «*Человеческая природа*» и «*Левиафан*», позволяют отчетливо увидеть механизм памяти, опосредованный восприятием и воспоминанием. Воспоминание представляется процессом – переходом мыслей от настоящего момента к прошлому через множество предыдущих мест под воздействием желания найти потерянное, что придает ему сознательный, целенаправленный характер. Воспроизводя связь и последовательность первичных перцептивных образов, воспоминание вызывает ожидание того, что должно случиться в перспективе, и в этом смысле является предвидением будущего [24, с. 522, 523]. Таким образом, у Т. Гоббса память, обуславливая потенциальное существование прошлого, также проецирует возможность будущего.

Дж. Локк (1632–1704) в своем знаменитом трактате «*Опыт о человеческом разуме*» интерпретировал память как присущую не только человеку, но также животным и птицам, способность складывать и удерживать идеи, проникшие в душу. Более того, трактуемая в качестве одного из способов удержания, наряду с созерцанием, память представляется силой оживления в душе тех идей, которые «исчезли» или «улеглись в стороне», скрывшись из вида после их запечатления. И далее, назначение памяти – в ее способности «доставлять» душе при необходимости «уснувшие идеи». Воспоминание – уже вторичное, обусловленное волевым усилием восприятие или созерцание имеющихся в памяти идей, где отпечатанные ранее идеи такие же, какими были отпечатаны, т.е. какими созерцались и были распознаны разумом. У Дж. Локка важность памяти признается в такой же степени, как и восприятия, по той причине, что без нее мышление, рассуждение и познание бесполезны. Память предстает «арсеналом» человеческих идей, способностью и силой души, посредством которой осуществляется сохранение и воспроизведение продуктов восприятия и мышления – идей [26, с. 125–130].

В сочинении «*Новые опыты о человеческом разуме*» Г. В. Лейбниц (1646–1716) апеллировал к работе Дж. Локка «*Опыт о человеческом разуме*». Но если британский мыслитель, вслед за Аристотелем, полагал, что изначально душа чиста подобно доске, на которой ничего не написано, а все начертанное происходит только из чувств и опыта, то Г. В. Лейбниц близок с Платоном и схоластиками в понимании души как сущности, изначально содержащей принципы разных понятий и теорий, поводом для пробуждения которых служат внешние предметы. Следовательно, чувственное восприятие только обуславливает проявление в воспоминании врожденных идей. Воспоминание также опосредовано вниманием, рефлексией и каким-либо поводом. Таким образом, в понимании Г. В. Лейбница память – не просто один из способов удержания, благодаря которому сохраняются полученные с помощью чувств и рефлексии знания. Это способность оживления перед духом идей и прежних восприятий, сопровождаемых ощущением того, что подобные восприятия уже были [27, с. 125]. Наличие врожденных «следов», определяющих запоминание и воспроизведение под влиянием внешних восприятий, является посылкой к определению памяти как сверхиндивидуального феномена.

Философ и психолог А. Бэн (1818–1903) в работе «*Психология*» указал память в числе трех взаимосвязанных умственных способностей: различения, сходства и удержания (запоминания), определяя ее как пластическую, усваивающую силу ума, «удерживающую способность духа», называя «ассоциацией по смежности». В целом А. Бэн рассматривал память в качестве одной

из основных функций ума, которая предполагает: во-первых, сохранение духовного возбуждения в виде образа воспоминания или «идеи» звука; во-вторых, накопление образов впечатлений, исчезнувших из сферы восприятия; в-третьих, опосредованное умственными факторами их воспроизведение в форме идеи [28, с. 241–244], репрезентацию или мысль, т.е. образование общего, отвлеченного представления о предмете [29, с. 96]. Последнее и есть припоминание или воспоминание, обусловленное ассоциациями по смежности или ассоциациями и по смежности, и по сходству (чисто умственными сочетаниями), а также влиянием эмоций и воли. Говоря о том, что многие воспоминания есть соединение слов с понятием о вещах [28, с. 333–337], А. Бэн, скорее всего, под понятием подразумевал образуемую ассоциациями целостность определенных образов и знаний. Заметим также, что ввиду акцентуации различия между настоящими и воспроизведенными (прошлыми) состояниями, встает проблема соответствия воспоминания восприятию и адекватности воссозданного в настоящем прошлого действительности прошедшего.

А. Бэн выделял два вида памяти:

– *устойчивую память*, характеризующуюся сохранением духовного возбуждения в отсутствии его причины в виде образа воспоминания или «идеи» звука;

– *настоящую, т.е. воспроизводящую, память* как высшую стадию памяти, присущую лишь существам, одаренным мозгом и нервной системой, предполагающую накопление образов впечатлений, исчезнувших из сферы восприятия, и их воспроизведение в форме идеи посредством умственных факторов [28, с. 243].

Важно отметить, что А. Бэн, считая память субъективным состоянием сознания, характеризовал ее как основанную на ощущении и восприятии, физиологически обусловленную, опосредованную ассоциациями по смежности и по сходству, исключительно индивидуальную умственную функцию сохранения, накопления и воспроизведения образов и идей.

В творчестве *А. Бергсона* (1859–1941) конца XIX – начала XX в. разрабатывается мнемическая концепция в духе интуитивизма. В работе *«Материя и память»* философ выделил два вида памяти: *память тела* (почти мгновенная и скорее привычка, чем память, она «разыгрывает» прошлый опыт, не вызывая его образа) и *«настоящую память прошлого»* (она является основанием первой и трактуется как «сорастяжимая с сознанием», удерживающая способность) [30, с. 565]. В интерпретации Н. О. Лосского, изложенной в работе «Интуитивная философия Бергсона», «память-привычка», в сущности, есть телесная память-действие или память-движение, относящаяся к настоящему, а «память-греза» есть духовная память-образ, «мысленное видение самого прошлого». Прошлое, хранящееся в памяти, чаще всего вспоминается в сокращенном и схематизированном виде при участии и памяти-привычки, и памяти-грезы [31, с. 57–66]. Детальная проработка механизма памяти дана А. Бергсоном в работе *«Воспоминание настоящего»*. Всему, что нас окружает, философ приписывал расщепление, или раздвоение, на восприятие и воспоминание, полагая, что каждое мгновение настоящего как переход из прошлого в будущее является нам благодаря подвижному зеркалу, отражающему восприятие в виде воспоминания [32, с. 1029–1034]. В трактовке А. Бергсона восприятие внешнего мира «развертывается» на действительной и моментальной интуиции, однако память представляет несравненно большее основание. Всякое восприятие пропитано дополняющими и поясняющими его воспоминаниями-образами, а всякое воспоминание-образ имеет причастность к «чистому воспоминанию» и восприятию, в которое стремится воплотиться. «Чистое восприятие» есть «зарождающееся действие», в то же время оно (восприятие в настоящем, и поэтому мгновенное) трактуется как идеал, поскольку всякое восприятие продолжает прошлое и причастно к памяти. Само прошлое есть «чистое воспоминание», которое уже не является таковым, когда воспоминание актуализируется в образе и прошлое, сливается с частью настоящего. Но «чистое настоящее» определяется как «неуловимый ход прошедшего, которое гложет будущее», а потому практически возможно восприятие только прошедшего [30, с. 468–564]. Прошлое доступно, потому что откладывается в настоящем в состоянии воспоминания, определяемого в качестве представления отсутствующего предмета. В метафорическом выражении А. Бергсона воспоминание предстает движением, запечатлевшим свободу духа, являющего когда-то почерпнутое им в материи восприятие [30, с. 654–668].

У Э. Гуссерля (1859–1938) воспоминание есть «сознание о бывшем воспринятом бытии». В труде «Феноменология внутреннего сознания времени» философ выделил две формы осуществления воспоминания:

– так называемое «подхватывание», когда воспоминание «всплывает», оно смутное и не повторяющееся;

– *воспроизводящее, повторяющее воспоминание*, когда временной предмет «полностью выстраивается в континууме воспроизведений» и воспринимается снова. Можно вновь и вновь, многократно, выстраивать последовательность переживаний в единстве сознания, но всегда необходимо допускать, что действительная последовательность могла быть другой, чем вспоминающая последовательность, поэтому возможны ошибки. Возможность осуществления повторяющегося воспоминания («ретроспективной памяти»), в сущности, есть возможность идентификации. Выступая в качестве одного из модусов сознания времени, воспоминание трактуется Э. Гуссерлем как «полагающее воспроизведение», со-воспроизведение и повторяющееся воспроизведение (ожидание). Поскольку жизнь сознания существует в постоянном потоке, воспоминание существует в постоянном потоке, оно «непосредственно интуитивно», и каждый его уровень «есть деятельность свободы».

Память в русле гуссерлевского феноменологического анализа есть не что иное, как воспроизведение – «свободное пробегание», событие внутреннего сознания, имеющее свое актуальное «Теперь», свои модусы протекания. Различается *первичная память, или ретенция* (конституируется на основе фантазии как воспроизведение, предполагая только удержание в сознании произведенного); *вторичная память, или воспоминание* (самостоятельное, без присоединения к восприятиям, возникновение воспроизведения) [33].

Иной – социально-исторический – ракурс познания памяти представлен у М. Хальбвакса (1877–1945). Впоследствии он получил широкий резонанс в социально-гуманитарной сфере. Стоит отметить, что социальный аспект в понимании феномена памяти прослеживается у Э. Дюркгейма. Полагая, что границы сознания не совпадают с границами психической деятельности, автор выводил память и другие психические процессы в социальное пространство и сферу бессознательного [34]. Однако именно у М. Хальбвакса социальное исследование памяти приобрело концептуальный характер. Основные его идеи относительно феномена памяти изложены в таких работах, как «*Коллективная и историческая память*», «*Социальные рамки памяти*», «*Коллективная память*». Ученый признавал наличие индивидуальной памяти, не совпадающей с чьей-либо, но видел ее частью групповой памяти, объясняя социальной обусловленностью воспоминаний, так как человек выступает одновременно в роли общественного агента и члена разных социальных групп и его индивидуальная память опирается на рамки коллективной. Резервы индивидуальной памяти непрерывно пополняются за счет взаимодействия индивида внутри разных социальных групп и меняются в соответствии с движением и трансформацией социальных рамок. В сущности, рамки коллективной памяти являются социокультурно обусловленными, исторически сложившимися, специфическими для определенного сообщества людей конструкциями, вне которых не представляются возможными жизнь и развитие человека и как личности, и как члена общества. Таким образом, память определяется широко: она выступает в качестве коллективной функции; рамки, образуемой понятиями-ориентирами, отнесенными к прошлому; «деятельности рассудка» в настоящем. Социальная мысль также понималась как память [35, с. 337–343].

Как и предшествующие исследователи, М. Хальбвакс уделял внимание анализу механизма памяти, акцентируя внимание на процессах восприятия и воспоминания, на рамке, образе и понятии, которые, в сущности, выступают структурообразующими элементами мнемического процесса. В понимании автора восприятие не является чисто внешним наблюдением, поскольку обуславливается и сопровождается «памятью о словах и понятиях», соответственно, нет восприятия без воспоминания, а также воспоминания без восприятия, как и воспоминаний, присущих только индивидуальной памяти. Восприятие и воспоминание рассматриваются в фокусе индивидуального и коллективного с акцентом на то, что индивидуальное восприятие, сопровождаемое воспоминанием, всегда пересекается с восприятием социальным.

М. Хальбвакс писал об узнавании и локализации воспоминаний. Первое он связывал с чувством, второе – с наличием знания о том, когда данное воспоминание было приобретено, что предполагает мысленное возвращение к восприятию и определение его места во времени. Локализация есть интеллектуальная деятельность сознания, целенаправленная, волевая и являющаяся в форме понятий. Согласно автору, воспоминания локализуются:

- путем помещения их в конкретные социальные рамки;
- с учетом соответствия предметов памяти определенным понятиям, которые одновременно есть и идеи, и образы [35, с. 321–328].

У М. Хальбвакса всякое воспоминание соотносится с комплексом понятий, слов, идей, с местами, датами, лицами, группами, с материальной и нравственной жизнью общества и всегда опирается на воспоминания других людей и общие социальные рамки. Единые для всех членов определенной группы рамки позволяют реконструировать индивидуальные воспоминания. При этом они не просто помогают вспоминать, а выступают в роли ориентиров движения во времени от понятия к понятию, от воспоминания к воспоминанию путем размышлений и рассуждений. Но рамки социальной памяти меняются, реорганизуются самим обществом либо путем сознательного пересмотра всего прошлого, либо через ограничение прошлого историей последних поколений. Следовательно, в соответствии с настоящим изменяется и память.

Резюмируя, отметим, что М. Хальбвакс интерпретировал память в качестве сознательного интеллектуального процесса и социального феномена. Прослеживая взаимосвязь индивидуальной и коллективной памяти, стоя у истоков теории социальной и исторической памяти, автор своими идеями стимулировал развитие мнемической проблематики до настоящего времени.

Заключение. Проведенный в данной статье аналитический обзор интерпретаций памяти в истории западной философской мысли – от Платона до М. Хальбвакса – представляет собой базисный контент, который включает ведущие тенденции в осмыслении феномена памяти до середины XX в. Память выступает в роли многозначного концепта, определяемого в качестве:

- перцептивно обусловленного свойства индивидуального психического состояния и субъективной способности воспроизведения прошлого;
- явления, опосредованного влиянием сферы бессознательно интуитивного фактора;
- надындивидуального феномена;
- индивидуального и социального феномена.

В рассмотренных концепциях память является объектом психологического, феноменологического, социально-философского анализа; соотносится с временными категориями прошлого, настоящего и будущего; исследуется в качестве феномена индивидуальной и сверхиндивидуальной реальности; трактуется как процесс, охватывающий деятельность сознания и бессознательного. Весь комплекс интерпретаций создает целостное представление о памяти как объекте философского анализа. Соответственно, материал данной статьи может быть использован и с целью сугубо познавательной, и для дальнейшего философского исследования феномена памяти, и в качестве методологического инструментария в контексте *«memory studies»*. Новизна работы продиктована необходимостью формирования истории философского познания памяти, выступающей основанием современных мнемических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкоснов. запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2/3. – С. 202–208.
2. Nora, P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire / P. Nora // Representations. – 1989. – No. 26. – P. 7–24.
3. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.
4. *Pluzje pamięci* / red. Sz. Wrobel. – Poznań: Univ. im. A. Mickiewicza; Kalisz: Wyd. Ped.-Artystyczny, 2007. – 380 s.
5. Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллектуал. истории; под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 320 с.
6. Ретина, Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л. П. Ретина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 3. – С. 191–201.

7. *Смалянчук, А.* Вільня як месца памяці многіх народаў : (разважанні з нагоды даследчага праекту) / А. Смалянчук // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. В. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2009. – С. 363–367.
8. *Смалянчук, А.* Трансфармацыя месцаў памяці постсавецкага Гродна [Электронны ресурс] / А. Смалянчук // *Historians.in.ua*. – Режим доступа : <http://www.historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/551-ales-smalianchuk-transfarmatsyia-mests-pamiatsi-postsavetskaha-hrodna>. – Дата доступа : 01.09.2013.
9. *Матусевич, О. А.* Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2011. – № 5. – С. 111–113.
10. *Матусевич, О. А.* Коллективная память белорусов – неиспользованный потенциал интеллектуальной культуры / О. А. Матусевич // Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования : материалы Первой междунар. науч. конф., Минск, 13–14 нояб. 2014 г. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2015. – С. 257–260.
11. *Матусевич, О. А.* Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. Серия 6. История, философия. – 2017. – № 2. – С. 74–78.
12. *Ластовский, А.* Городской ландшафт как место памяти и идентичности / А. Ластовский // Палітычная сфера. – 2009. – № 12. – С. 17–28.
13. *Ластовский, А.* Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Вестн. обществ. мнения. – 2009. – № 4. – С. 88–99.
14. *Бабосов, Е.* У истоков белорусской национальной идеи / Е. Бабосов // Белорусская думка. – 2016. – № 10. – С. 77–82.
15. *Рудковский, Э. И.* Культурный код, историческая память и региональное сотрудничество / Э. И. Рудковский // Искусство и культура. – 2015. – № 4. – С. 69–74.
16. *Табачков, А. С.* Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. С. Табачков. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2007. – 94 с.
17. *Платон.* Филеб / Платон // Сочинения, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым : в 6 ч. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1879. – Ч. 5 : Филеб ; Кратил ; Тезетт ; Софист. – С. 1–166.
18. *Платон.* Федон / Платон // Собр. соч. : в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М., 1993. – Т. 2. – С. 7–80.
19. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 63–367.
20. *Аристотель.* О душе / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 371–448.
21. *Аристотель.* О памяти и припоминании [Электронный ресурс] / Аристотель // Déjà vu : энцикл. культур. – Режим доступа : http://ec-dejavu.ru/m/Memory_Greek.html#aristotle. – Дата доступа : 13.01.2011.
22. *Плотин.* Об ощущении и памяти [Электронный ресурс] / Плотин // Déjà vu : энцикл. культур. – Режим доступа : http://ec-dejavu.ru/m/Memory_Greek.html. – Дата доступа : 13.01.2011.
23. *Августин Аврелий.* Исповедь / Августин Аврелий // Августин Аврелий. Исповедь. История моих бедствий / П. Абельяр. – М., 1992. – С. 8–222.
24. *Гоббс, Т.* Человеческая природа / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 507–573.
25. *Гоббс, Т.* Левиафан : перевод / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 478 с.
26. *Локк, Дж.* Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк ; пер. Л. Н. Савина. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1898. – XVI, 736 с.
27. *Лейбниц, Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме / Г. В. Лейбниц ; пер. П. С. Юшкевича. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. – 484 с.
28. *Бэн, А.* Психология : в 2 т. / А. Бэн. – М. : Тип. И. А. Баландина, 1902–1906. – Т. 1, кн. 1–2 / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. С. Белкина. – 1902. – XXXIV, 422 с.
29. *Бэн, А.* Психология : в 2 т. / А. Бэн. – М. : Изд. М. Н. Прокоповича, 1902–1906. – Т. 2, кн. 3–4 / пер. с англ. и предисл. В. Н. Ивановского. – 1906. – XIV, 301 с.
30. *Бергсон, А.* Материя и память / А. Бергсон // Творческая эволюция ; Материя и память / А. Бергсон ; пер. с фр. – Минск, 1999. – С. 414–668.
31. *Лосский, Н. О.* Интуитивная философия Бергсона / Н. О. Лосский. – М. : Рус. печатня, 1914. – 115 с.
32. *Бергсон, А.* Воспоминание настоящего / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон ; пер. с фр. – Минск, 1999. – С. 1005–1049.
33. *Гуссерль, Э.* Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль // Собрание сочинений / под общ. ред. и с вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. – М. : Логос : Гнозис, 1994. – Т. 1. – XIV, 162 с.
34. *Дюркгейм, Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Социология: ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М., 1995. – С. 208–243.
35. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во : А. Курилкин, 2007. – 348 с.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 12, No. 2, 2020, pp. 97–106
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2020

Interpretation of memory phenomenon: from Plato to M. Halbwachs

O. M. Rostovskaya

Vitebsk State Technological University (Belarus)

Moskovski Ave., 72, 210035, Vitebsk, Belarus; e-mail: rosol@gmail.com

Abstract. The introduction formulates the main problem and purpose of the work, which involves accentuating the basis of modern research in the field of “memory studies” and an analytical review of conceptual philosophical interpretations of memory in the period from classical antiquity to Western European philosophical thought of the first half of the 20th century. The chronological framework is limited to the personalities of leading theorists such as Plato and M. Halbwachs. The material presented by the author in the main part of the article is intended to demonstrate trends in the interpretation of memory. First, the mnemonic discourse of the period under consideration is characterized by many values. Secondly, memory is investigated as a component of holistic formations: soul, psyche, consciousness, body. Third, the concept of memory relates to the past, present, and future, reflecting a dialectical relationship to the concept of time. The same authors interpret memory as an individual and over-individual phenomenon; see in it the connection of consciousness with unconscious, private with collective. The history of philosophical memory research demonstrates the dynamics from metaphysical representations to psychological, phenomenological and socio-historical concepts, from the purely philosophical sphere of knowledge to interdisciplinary searches, from the content of individual mental existence to the content of social constructs. The conclusion notes that the age-old traditions of mnemonic research have created a basis for the development of topics relevant to Recent History. The works of M. Halbwachs were a precursor to this broad and multi-vector process, they marked the boundary between classical philosophy of memory and modern research in the field. The novelty of the work is that the author attempted to uncover the “root system” and methodological basis of the modern interdisciplinary direction “memory studies”, which was developed in the second half of the 20th century and is relevant to the present. An article can be used as material that presents a cut of philosophical knowledge about the phenomenon of memory, and can act as a methodological tool for modern private mnemonic research.

Keywords: memory, reminiscence, perception, soul, consciousness, unconscious.

References

1. Nora P. World triumph of memory [*Vsemirnoe torzhestvo pamiatsi*]. *Emergency ration: a debate about policy and culture*, 2005, No. 2/3, pp. 202-208.
2. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 1989, No. 26, pp. 7-24.
3. Assman Ya. Cultural Memory: writing, memory on the past and political identity in the ancient high cultures [*Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom, i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*]; transl. from German by M. M. Sokolovskaya. Moscow, 2004, 363 p.
4. Memory illusion [*Ihuzje pamięci*]; Ed. by Sh. Vrubel. Poznan, Kalisz, 2007, 380 p.
5. Time - History - Memory: historical consciousness in the space of culture [*Vremia - Istoriia - Pamiat': istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury : sb. st.*]; Ed. by L. P. Repina. Moscow, 2007, 320 p.
6. Repina L. P. The phenomenon of memory in modern humanitarian knowledge [*Fenomen pamiati v sovremennom gumanitarnom znanii*]. *Academic notes of Kazan University. Series: Humanities*, 2011, vol. 153, book 3, pp. 191-201.
7. Smalianchuk A. Vilnius as a place of memory of many nations [*Vil'nia iak mestska pamiatsi mnogih narodau*]. *Historiography and sources on the history of cities and urbanization processes in Belarus: collection of scientific articles*; ed. board: V. V. Donilovich (ex. Ed.) [et al.]. Hrodna, 2009, pp. 363-367.
8. Smalianchuk A. Transformation of places of memory of post-soviet Grodno [*Transfarmatsyia mestsau pamiatsi postsavetskaha Hrodna*]. *Historians.in.ua* [Electronic resource].
9. Matusевич O. A. Historical consciousness and collective memory as a subject of social and humanitarian knowledge [*Istoricheskoe soznanie i kollektivnaia pamiat' kak predmet sotsial'no-gumanitarnogo poznaniia*]. *Works BGTU. Series: History, philosophy, philology*, 2011, No. 5, pp. 111-113.
10. Matusевич O. A. Collective memory of Belarusian people - untapped potential of intellectual culture [*Kollektivnaia pamiat' belorusov - neispol'zovannyi potentsial intellektual'noi kul'tury*]. *Belarusian intellectual culture: origins, traditions, research methodology: proceedings of the 1st Intl. scientific conf.*, Minsk, Nov. 13-14, 2014; ed. board: A. A. Lazarevich [et al.]. Minsk, 2015, pp. 257-260.

11. Matusевич О. А. Main approaches to studying the historical memory of Belarusian people: problems, achievements and prospects [*Osnovnye podkhody k izucheniiu istoricheskoi pamiatii belorusov: problemy, dostizheniia i perspektivy*]. *Proceedings of BSTU. Series. 6. History, philosophy*, 2017, No. 2, pp. 74-78.
12. Lastovski A. Urban landscape as place of memory and identity [*Gorodskoi landshaft kak mesto pamiatii i identichnosti*]. *Political sphere*, 2009, No. 12, pp. 17-28.
13. Lastovski A. Specifics of historical memory in Belarus: between the soviet past and the national perspective [*Spetsifika istoricheskoi pamiatii v Belarusi: mezhdu sovetским прошлым i natsional'noi perspektivoi*]. *Messenger of public opinion*, 2009, No. 4, pp. 88-99.
14. Babosov E. At the origin of the Belarusian national idea [*U istokov belorusskoi natsional'noi idei*]. *Belarusian thought*, 2016, No. 10, pp. 77-82.
15. Rudkovski E. I. Cultural code, historical memory and regional cooperation [*Kul'turnyi kod, istoricheskaiia pamiat' i regional'noe sotrudnichestvo*]. *Art and Culture*, 2015, No. 4, pp. 69-74.
16. Tabachkov A. S. Interpretation as a way of knowing the historical past [*Interpretatsiia kak sposob poznaniia istoricheskogo proshlogo*]. Minsk, 2007, 94 p.
17. Platon. Phileb [*Fileb*]. Writings translated from Greek and explained by Professor Karpov. Part 5 : Fileb; Kratil; Teetet; Sofist [*Sochineniia, perevedennnye s grecheskogo i ob"iasnennnye professorom Karpovym : v 6 ch. Ch. 5 : Fileb; Kratil; Teetet; Sofist*]. 2nd ed. Moscow, 1879, pp. 1-166.
18. Platon. Fedon [*Fedon*]. Collected works; transl. from Altgriechisch.; Eds.: A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Moscow, 1993, vol. 2, pp. 7-80.
19. Aristotle. Metaphysics [*Metafizika*]. Writings : in 4 vol. Moscow, 1976, vol. 1, pp. 63-367.
20. Aristotle. About the soul [*O dushe*]. Writings : in 4 vol. Moscow, 1976, vol. 1, pp. 371-448.
21. Aristotle. About memory and remembrance [*O pamiatii i pripominanii*]. Déjà vu: Encyclopedia of Cultures [Electronic resource].
22. Plotin. About feeling and memory [*Ob oshchushchenii i pamiatii*]. Déjà vu: Encyclopedia of Cultures [Electronic resource].
23. Augustine Aurelius. Confession [*Ispoved'*]. Abeliar P. Augustine Aurelius. Confession. History of my disasters [*Avgustin Aurelii. Ispoved'. Istoriia moikh bedstvii*]. Moscow, 1992, pp. 8-222.
24. Hobbs T. Human Nature [*Chelovecheskaia priroda*]. Writings. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 507-573.
25. Hobbs T. Leviathan [*Leviafan*]. Moscow, 2001, 478 p.
26. Locke J. Experience on the human mind [*Opyt o chelovecheskom razume*]; transl. by L. N. Savina. Moscow, 1898, XVI, 736 p.
27. Leibnits G. V. New experiments on the human mind [*Novye opyty o chelovecheskom razume*]; transl. by P. S. Yushkevich. Moscow, 1936, 484 p.
28. Ben A. Psychology [*Psikhologiya : v 2 t.*]; trans. from Engl. Ed. by A. S. Belkin. Moscow, 1902, vol. 1, book 1-2, XXXIV, 422 p.
29. Ben A. Psychology [*Psikhologiya : v 2 t.*]; trans. from Engl. Ed. by V. N. Ivanovski. Moscow, 1906, vol. 2, book 3-4, 301 p.
30. Bergson A. Material and Memory [*Materia i pamiat'*]. Bergson A. Creative evolution; Material and memory [*Tvorcheskaia evoliutsiia; Materia i pamiat'*]; trans. from Fr. Minsk, 1999, pp. 414-668.
31. Losski N. O. Bergson's intuitive philosophy [*Intuitivnaia filosofia Bergsona*]. Moscow, 1914, 115 p.
32. Bergson A. Reminiscence of the present [*Vospominanie nastoiashchego*]. Bergson A. Creative evolution; Matter and memory [*Tvorcheskaia evoliutsiia. Materia i pamiat'*]; transl. from Fr. Minsk, 1999, pp. 1005-1049.
33. Gusserl E. Phenomenology of internal time consciousness [*Fenomenologiya vnutrennego soznaniia vremeni*]. Collection of works; Ed. and with entry. art., transl. by V. I. Molchanov. Moscow, 1994, vol. 1, XIV, 162 p.
34. Durkheim E. Representations individual and representations collective [*Predstavleniia individual'nye i predstavleniia kollektivnye*]. Durkheim E. Sociology: its subject, method, purpose [*Sotsiologiya: ee predmet, metod, prednaznachenie*]; trans. from Fr., comp., afters. and note of A. B. Hoffmann. Moscow, 1995, pp. 208-243.
35. Halbwachs M. Social memory framework [*Sotsial'nye ramki pamiatii*]; transl. from Fr. by S. N. Zenkin. Moscow, 2007, 348 p.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>